

Мифологический образ Желбегена

Мифологические чудовища в эпосе, как и в других жанрах фольклора, обычно олицетворяют собой злые силы природы. Характерной чертой эпоса народов Сибири, в том числе алтайцев, является их архаичность, выраженная в борьбе людей с чудовищами, наличием в эпосе различных видов зооморфных и антропоморфных существ.

По мнению С.С. Суразакова, в алтайском эпосе мифологические образы сначала олицетворяли силы тьмы и мрака, зимы и холода, болезни и смерти. Страшные явления природы и стихий в эпосе, как и в мифах, понимались как действие каких-то сил, которые получили облик зооморфных и антропоморфных чудовищ. Но впоследствии они стали воплощать и реальные человеческие силы: эти чудовища не только пожирают все живое на земле, но и совершают грабительские набеги, преследуют героев, крадут женщин, ослепляют людей, уводят их на муки и т.д. Они – «представители иного, темного и мрачного мира, но этот иной мир – мир чужого рода или племени».

Эпические сказания, которые показывают борьбу богатырей с чудовищами, порождены не столько реальной жизнью и героикой, сколько мифологией и религиозными представлениями. Если свой мир, свой каган, богатырь, своя земля в идеале должны быть прекрасными, правильными, то другой мир, другая страна должны быть неправильными, с перевернутой, противоположной оценкой. Если люди в своем мире добрые, хорошие, то в другой враждебной стране должны быть недобрые, злые люди и неправильные персонажи. Если здесь, в этом мире, прекрасный во всех отношениях человек – могучий богатырь со всеми своими достоинствами, то в другом мире богатырь должен быть безобразен, он чудовищен, темен, коварен и т.п. Образы чудовищ в эпосе представляют собой архаичный способ типизации враждебных сил, когда еще не индивидуализировались как сами положительные герои, так и их враги. Чудовище есть сам собой разрушающийся антипод положительного героя. Полярный герой не ездит на благородном коне, обычно он пеший или ездит на быке (бык здесь может так же олицетворять оседлые народы, с которыми кочевникам в ходе исторического развития приходилось воевать: многие народы пахали на быках, ездили на них и т.п.).

Злому врагу, чудовищу в облике человека или зооморфному чудовищу, чтобы быть таковыми или обладать какими-то сверхъестественными силами, иногда нужны помощники-медиумы, посредники-волшебники. Так появляются другие образы, связанные с потусторонним миром. Иногда это образ шаманки-старухи, заимствованный у еще более архаических образов: возраст старухи может показывать древность образа. Если богатырю – положи-

тельному герою в этом мире помогает сама природа, светлое начало, небо, то, естественно, богатырю враждебного лагеря должна помогать другая сторона.

В алтайских народных сказках одним из наиболее часто встречающихся персонажей, противостоящих человеку, является семиголовое чудовище Дьелбеген (Дьалбьан, Дьелвен, Челбен). Об этом свидетельствует и поговорка: «Без Дьелбегена и сказки нет» («Јелбегени јок, чӧрчӧк тӧ јок»). Сюжеты о Дьелбегене встречаются также в мифах и широко распространены в эпосе. В связи с тем, что в них идет речь о столкновении человека с чудовищем Дьелбегеном, на тематическом уровне они могли бы составить определенное единство. Подобная идея об объединении сюжетов о Дьелбегене в эпосе в единую тематическую группу была высказана С. С. Суразаковым. Основные сюжетные характеристики этих произведений исследователь обозначал так: «Сказания о борьбе героев с Дьелбегеном отличаются сюжетным разнообразием, но их можно объединить в одну тематическую группу. В них общим является не только имя и облик отрицательного персонажа; значительное сходство наблюдается и в положительных образах, в композиции, поэтическом стиле произведений».

Дьелбеген имеет 7 голов, ездит на черном быке, имеет лунообразный топор, слюняв, воинственен до комичности. Далее его облик расплывается. Во многих сказаниях о нём, кроме его семиголовности и ездовом животном, ничего не известно. Интересно отметить тот факт, что в фольклоре некоторых тюркских и иранских народов мифологический персонаж «дэв» может иметь семь голов. Внешние характеристики дэва весьма разнообразны, совпадающим является его огромный рост, полуантропоморфный облик, его кровожадность и при этом какое-то простодушие. Здесь мы видим совпадение характеристик Дьелбегена и дэвов в среднеазиатской мифологии. Возможно, становление образов демонических существ в облике исполина имеет один корень.

Паспорт объекта и справочная информация

1. Наименование объекта:

Мифологический образ Дьелбегена

2. Краткое описание:

Сюжеты о Дьелбегене известны не только в сказках, но и в мифах и эпических сказаниях.

Согласно исследованиям Т.М. Садаловой, в жанре мифов наиболее распространен сюжет о том, что Дьелбеген был перемещен с земли на небо Лунной.

В результате рассмотрения сюжетов о Дьелбегене в мифологических и эпических произведениях в контексте проанализированных сказок об этом чудовище, а также, сопоставив конкретные тексты сказок и сказаний, можно сделать такие выводы:

а) в мифологическом сюжете о том, как Луна забрала Дьелбегена по аналогии со структурно-семантическим анализом сказок мы выяснили главный сюжет: «Герой на расстоянии общается с персонажем, способным прийти на помощь» (действия героя мифа отличаются большей пассивностью, нежели героя сказки);

б) на основе обнаруженных рудиментарных сюжетов можно предположить, что репертуар мифов о Дьелбегене был более обширен, чем ныне бытующий; и некоторые из них в сокращенном виде включались в эпические произведения;

в) в результате сравнений в эпосе обнаруживаются примеры перенятая сказочных сюжетов о Дьелбегене с разной степенью их трансформации согласно законам жанра эпических сказаний; текстах о брате с сестрой в сказке и эпосе почти нет сюжетных различий. В эпосе и в сказке также совпадают принципы дальнейшего усложнения сюжета;

г) в другом случае сказочный сюжет является только «зачином» эпического сказания, последующие эпизоды больше соответствуют содержанию эпических сказаний;

д) для эпических сказаний характерен главный сюжет: «Герой превосходит антипода силой в бою».

Сравнение образа популярного персонажа алтайского фольклора - чудовища Дьелбегена – в разных жанрах способствовало конкретному выяснению отражения разных типов мышления человека в процессе создания этих произведений. Если, обратившись к жанру-мифов, мы выяснили только одну сторону поведения героев и опасного чудовища, то на материале сказок увидели, как изменилось действия героев и чудовища. Применение структурно-семантической методики для анализа сказок о

Дьелбегене позволило многограннее выявить их общие и отличительные черты.

Анализ сказок о Дьелбегене помогает нам глубже проникнуть в организацию сказки, четче осознать тексты «одушевленными», способными менять свои отдельные элементы, структуру, а, следовательно, и семантику. Жанрово-генетические признаки, свидетельствующие о своеобразных ступенях типов мышления древнего человека на разных этапах своего исторического развития, отражаются в отличиях действий и поведении героя. На материале алтайских сказок именно сюжеты о Дьелбегене позволяют проследить движение переосмысления образа чудовища: от пожирателя семьи, членов рода до антипода, которого можно победить без посторонней помощи, благодаря смекалке героя. Борьба, стоящая жизни или смерти героя, превращается в своеобразную игру с антиподом, цель которой «одурачить» и победить чудовище.

3. ОНКН категория: устное народное творчество.

4. Этническая принадлежность: алтайцы, хакасы, шорцы.

5. Конфессиональная принадлежность:

6. Язык: алтайский, хакасский, шорский.

7. География, место бытования:

Республика Алтай, Кемеровская область, Республика Хакасия.

8. Ключевые слова: мифология, мифологический персонаж, традиционная культура.

9. Атрибутика:

Служебная информация:

1. Автор описания:

Объект подготовлен БУ РА «Республиканским центром народного творчества» Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Э. Палкина, 9, т.8(38822)21506.

2. История выявления и фиксации объекта:

Записи и публикации героических сказаний алтайцев начались с середины XIX века. Героические сказания публиковались в той или иной мере в дореволюционных изданиях трудов В.В. Радлова, Н.Я. Никифорова, в записях и публикациях В.И. Вербицкого, Г.Н. Потанина и других исследователей.

В.В. Радлов на языке оригинала опубликовал десять сказаний «Алтайын Сайин Салам», «Кан Пүдей Эки Мооспыла Жуулашканы», («Битва Кан Пюдея с Двумя Моосами»), «Тектебей Мерген», «Кан Пүдей, Ай Каан», «Караты Каан», «Јүс абакайлу Пежитти Каан, («Стоженец Каан Пежитти») и т. д. в первой части «Образцов народной литературы тюркских племен Южной Сибири». Популярным среди ученых фольклористов был и остаётся изданный в 1913 г. при помощи Г.Н. Потанина «Аносский сборник». Сказания, вошедшие в сборник, были собраны и тщательно переведены Н. Я. Никифоровым.

Г.Н. Потанин также способствовал публикации ряда других материалов по алтайскому эпосу, например, сказаний, записанных Г.М. Токмашовым у телеутов Кемеровской области.

А. Калачев, будучи студентом Петербургского университета, записал интересный вариант популярного на Алтае сказания «Алтай-Буучай». Перевод опубликован в журнале «Живая старина» за 1896 год.

Из дореволюционных собирателей фольклора необходимо отметить миссионера В.И. Вербицкого. В его книгу «Алтайские инородцы» вошли переведенные им в прозе сказания «Алтайын-Саин-Салам», «Стоженец Хан Бежитти».

Композитор и этнограф А.В. Анохин уделял большое внимание героическим сказаниям. Он напечатал в «Томских епархальных ведомостях» в 1912 году сказания «Три Курбустана», «Јеин-Јеин-Шикширге».

В 30-х годах нашего столетия записи и издания героических сказаний возобновились после некоторого перерыва, вызванного тяжелым социально-политическим периодом в жизни народа. В 30-40 годы среди изданных сказаний наиболее популярными были сказания «Когутей» кайчи М. Ютканаква, отдельные издания «Темир-Санаа» и «Алтын-Тууји», составленные известным алтайским поэтом, писателем и драматургом П.В. Кучияком, книги знаменитого кайчи Н.У. Улагашева «Алып-Манаш», «Алтай-Буучай», «Малчи-Мерген». Так, изданное в Москве в 1935 году сказание «Когутей» получило хорошую оценку специалистов. Авторы перевода Г. Токмашов и В. Зазубрин сохранили стиль и поэтику алтайского героического эпоса.

П.В. Кучияк, собиратель фольклора, сам являлся исполнителем эпоса и многое сделал для популяризации фольклора в Сибири.

В 1940-е – 1960-е гг. в поле зрения собирателей фольклора оказывается целая плеяда исполнителей эпоса, проживающих в разных районах тогдашней Горно-Алтайской автономной области. С конца 40-х годов особенно ярко проявляется исполнительское мастерство сказителя А.Г. Калкина. Именно с его именем связаны запись и издание таких выдающихся сказаний как «Маадай-Кара», «Очы-Бала», «Оскүс-Уул» и другие.

С открытием в 1952 году Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ), в настоящее время – Горно-Алтайский Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, начался новый период в собирании, изучении и издании алтайского эпоса. Кроме изданных институтом 15 томов алтайских героических сказаний, были изданы в отдельных книгах такие крупные сказания как «Маадай-Кара» А.Г. Калкина, «Еленгир» Н.К. Ялатова, сказания Н.У. Улагашева, сказания А.Г. Калкина. Академическое издание эпоса «Маадай-Кара» снискало мировую известность.

Отдельные сюжеты о Дьелбегене были рассмотрены М.А. Толбиной в числе выделенных ею 30 сюжетных типов при классификации алтайских волшебных сказок в соответствии с известными указателями сказок. Эти сюжеты соотнесены также с репертуаром волшебных сказок южносибирских тюрков, учтен и опыт типологического анализа сказок других народов. Анализ алтайских волшебных сказок позволил М.А. Толбиной выявить сочетание имеющихся в них международных сюжетов с различными комбинациями мотивов из местного общепольклорного фонда, показать стабилизирующие элементы и отличия сюжетосложения алтайских сказок от сказок других родственных и не родственных народов.

Образ Желбегена был рассмотрен в работах Т.М. Садаловой «Алтайская народная сказка: этнофольклорный контекст и связи с другими жанрами»; В.П. Ойношева «Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе».

Сюжеты о мифологическом персонаже Дьелбегене в жанре эпических сказаний были проанализированы С.С. Суразаковым. Исследователь считает, сюжеты о борьбе и чудовищем, видимо, в древности составляли самостоятельные произведения, небольшие по объему; отдельные из них со временем получили устойчивость, стали вводиться в состав крупных произведений. В связи с тем, что ранний эпос еще не вполне обособился как повествовательный жанр, сюжеты мифа, сказки и эпоса взаимопроникают,

это наблюдается и на последующих этапах развития эпоса. К тому же «в некоторых случаях один и тот же сюжет мог развиваться и в жанре сказки, и в жанре героического сказания, приобретая в их рамках специфические черты».

3. Библиография:

Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Том I-XV.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М., 1893. – 386 с. Переиздан изд. «Ак чечек», Горно-Алтайск, 199. – 211 с.

Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. – Горно-Алтайск: ГНУ АКИН РА. – 2006. – 164 с.

Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: этнофольклорный контекст и связи с другими жанрами. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2003. – 177 с.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. / Отв. ред. В. М. Гацак. – М.: Наука, 1985. – 255 с.

4. Дискография:

5. Фильмография:

нет

6. Фото:

7. Видео:

нет